

0. Tawarimela

История маяка

62°05'49.4"N

7°40'56.4"W

Ольга Талантова

Истории маяка

62°05'49.4''N 7°40'56.4''W

«Автор»

2018

Талантова О.

Истории маяка 62°05'49.4"N 7°40'56.4"W / О. Талантова —
«Автор», 2018

История одного маяка на краю Земли. Если вбить в google-кар указанные в названии координаты, то можно увидеть расположение и название маяка.

© Талантова О., 2018

© Автор, 2018

Ольга Талантова

Истории маяка 62°05'49.4"N 7°40'56.4"W

История океанов

Мой маяк омывается всеми океанами одновременно. Каждую ночь поочередно в дверь стучит то Индийский, то Тихий, то Атлантический, то Северо-Ледовитый. Я научился различать их по шуму, молчанию и запаху.

Мне кажется, у океанов такая игра – перехитрить зрителя маяка. Но меня просто так не провести. Я могу угадать любого гостя. Кроме, пожалуй, Тихого океана.

Индийский океан приносит аромат рисовых полей и бергамота, шорох горячего песка пустыни, зов слонов, топот антилоп, крики тасманских дьяволов, уверенность баобабов, стойкость бамбука, легкомыслие сандала, выносливость верблюдов, заботу кенгуру и непоколебимость великой китайской стены.

Никого нет заботливее и нежнее Индийского океана. Океан может даже не стучаться, чтобы меня не беспокоить. Если в единственном окне не горит свет, он дождется утра и останется на завтрак. Но только если будет приглашен.

Океан приносит мне шелковые легкие рубахи, выросшие под дерзким солнцем фруктовые плоды, свежие листья зеленого чая и душистые цветы жасмина.

Когда я растворяю дверь перед океаном, то прикрываю лицо, чтобы воды Персидского залива не забрызгали меня и мое пристанище. Знаю я эти заливы! Дай им только волю, принесет с собой море, а за морем еще море, и так до бесконечности.

На шее Индийского океана амулетами перестукиваются между собой Мадагаскар, Тасмания и Маврикий.

Он прекрасен в позе лотоса, читающий мантры, перебирающий бусины под Ом. Миндалевидные глаза, запеченная кожа, волосы-пружины цвета солнечного затмения.

Индийский океан знает сотню языков.

Он умеет говорить на них разными акцентами и диалектами, и непринужденно умеет на них молчать.

Я люблю его непосредственность.

Он любит приходить ко мне в гости, потому что считает, что путь ко мне сродни шелковому пути.

Атлантический океан приносит аромат кофе, прыжки стеснительных китов, рокот водопадов, пение неповоротливых ледников, выброшенных на берег кальмаров, тайны молчаливых пирамид, тепло верных пингвинов, отвагу мохнатых лосей, нетерпеливую лаву спящих вулканов, выносливость резвых леопардов и секреты племени Майя.

Никого нет отважнее и веселее Атлантического океана. Чтобы его побыстрее впустили в дом, океан настукивает каждый раз одну и ту же мелодию. Я ее знал, но давным-давно позабыл. На моем маяке не слышно ничего, кроме ударов волн о скалы и каменные стены, и нескольких мелодий привезенных мною пластинок. Но каждый раз, когда в гости заходит Атлантический, я закрываю глаза, и забытые воспоминания расплываются эффектом дежавю. Это злит океан. Он нетерпелив и не любит стоять у закрытых дверей.

Океан приносит мне в руках горы рыбы, крупной и мелкой. Вместо рукавиц у него – сети. Мы вместе наблюдаем за играми рыб, а потом отпускаем их обратно в воду. Он приносит мне теплые шерстяные носки, созревшие гроздья винограда, гигантские гранаты, горы выцветших соленых книг, сказки о добрых троллях и красивых принцессах, путеводители первых мореплавателей.

В карманах Атлантического океана медными монетами перезваниваются между собой Фарерские острова, Куба, Ямайка и Бермуды. В своих карманах океан теряет корабли, а потом сам же находит их.

Когда я раскрываю дверь перед океаном, то зажимаюсь, чтоб песок и мелкие прибрежные камни не попали в глаза, не выбили бесценную лампочку в моем прибежище. Знаю я эти океаны! За одним камнем придет скала, за скалой – материк, и так до бесконечности.

Он прекрасен в позе путешественника, увидевшего в нескончаемых водах долгожданный берег невиданного никем и никогда материка. Беззаботные морщины от палящего солнца, вокруг глаза, огрубевшая на ветру кожа, волосы цвета пшеничного поля.

Я люблю его беззаботность.

Он любит приходить ко мне в гости, потому что считает, что это сродни возвращению домой.

Северо-Ледовитый океан приносит треск айсбергов, удары волн о ледяные глыбы, танцы полярного сияния, усталые вздохи оленей, преданность синих китов, сказания о могучих викингах, сказки о гигантских троллях, материнскую заботу белой медведицы, скрипучие песни морских львов, путешествия касаток-бродяг, удары шаманов в натянутые барабаны.

Ничего нет крепче объятий Северо-Ледовитого океана. Он достает свои холодные ладони из пушистых рукавиц и тепло протягивает для приветствия. Он улыбается так, словно семь дней в неделю его не окружают могучие айсберги. Перед тем, как постучать в дверь, океан поднимает руки вверх и несколько раз подпрыгивает. Каждый раз мне кажется, что на мой и без того беспокойный дом обрушился град. А потом понимаю, что прибыл северный гость. Я жду, пока все льдины из него выбегут, только тогда раскрываю дверь. Знаю я эти льдины! За одной льдиной придет вторая, за второй – уже ледник, а за ледником – целая Гренландия, и так до бесконечности.

Океан приносит мне в рукавицах запасы ягодного варенья, засушенные травы, шерстяные варежки, детенышей тех зверей, что я никогда не встречал. И обязательно – кусочек ледника. Я ставлю его на середину комнаты, и за чашкой горячего травяного чая, как следует укрывшись пледом, мы с океаном наблюдаем, как он тает.

В ушах Северо-Ледовитого серебряными серьгами перезваниваются между собой Гренландия, Шпицберген и Девон.

Он прекрасен с румяными обветренными щеками, одетый не по суровой погоде, с улыбкой во все свои моря и заливы. Глубокие вдохи и выдохи в огромный теплый шарф вокруг шеи. Когда он дышит, вокруг стоят клубы пара. Рядом с ним тепло, потому что он вдыхает в себя весь холод. Таких ярко-бирюзовых глаз я не видел ни у кого. Будто все ледники мира нашли отражение в них.

Он знает языки всех морских существ и всех обласканных им материков.

Я люблю его самобытность.

Он любит приходить ко мне в гости, потому что считает, что это сродни наткнуться на айсберг, но доплыть до пункта назначения.

Тихий океан раскачивает лодки бедных рыбаков, убаюкивает, путает разодранные сети, чтобы в них попало больше рыбы.

Рыба переливается в первых лучах солнца, тает в лодках рыбаков.

Тихий океан приносит перемешанный со всеми морями мира аромат неба, крики волнующихся чаек, строки из магических романов Маркеса о семье Буэндиа, всхлипы заспанных гайотов, серебряную пыль каждого из материков, радостный клекот семейства пингвинов, ярость разбуженного кашалота.

Тихий океан сгреб океаны в охапку, словно разбросанные по полю цветы, подул на них, – все разлетелись седыми шапками одуванчиков в разные стороны.

Тихий океан оберегает меня, приносит побольше дров для моей самодельной печи, рассказывает подслушанные у рыбаков сплетни. Я лучше любого рыбака знаю, какая самая крупная рыба плавает в водах Коронадо, как дон Хуан обдурил дона Хавьера, какую превосходную еду готовит сеньора Фермина. А сами герои могут только диву даваться, откуда смотритель далекого маяка знает о них то, чего они сами о себе не знают.

Тихий океан приносит в кармане грубый кожаный переплет. В моем доме переплет становится мягким. Из-под его обложки выбиваются пожелтевшие страницы, а вместе с ними – Новая Гвинея, Огненная Земля, Сахалин, Суматра, Кука. И, знаете, я не останавливаю их. Я рад, что ко мне в гости приходит целый мир, огромный земной шар.

Тихий океан может притвориться любым из океанов. И запах сандала отыщет, и айсберг выловит, и топот слонов изобразит. Что угодно, лишь бы меня провести. Плут и всезнайка!

Мой самый любимый океан.

Только рядом с ним я ощущаю себя во всех точках земного шара одновременно. Рядом с ним я и есть все океаны, все берега, небо, солнце, луна, каждый человек, каждая коала, каждый буревестник, капли бессонного дождя, многодетные песчинки пустыни, счастливые вздохи, долгожданные объятия, одинокие рыдания, слезы отчаяния потерявшихся детей и слезы радости найденных.

Мне кажется, у океанов такая игра – перехитрить смотрителя маяка. Но меня просто так не провести. Я могу угадать любого гостя. Кроме, пожалуй, Тихого океана.

Ох уж эти океаны.

Приходят по-разному. Уходят одинаково.

История птицы

Утром я просыпаюсь, как обычно.

Занимаюсь повседневными делами, готовлю любимый завтрак, читаю любимую книгу, включаю любимую пластинку, танцую любимый танец.

На пятки завтраку наступает время обеда. Я готовлю обед и штудирую самоучители исландского языка, газетные статьи о событиях в мире, старые выпуски научных журналов о популяции китов, делаю заметки (на самом деле – кляксы).

В моем доме все находится на своих местах. Стул стоит справа от входной двери, письменный стол – слева от винтовой лестницы, книжная полка удобно соседствует со скрипучим креслом.

Я чувствую себя в таких надежных стенах, будто эти стены находятся не на краю Земли, вдали от людей, а в самой большой сплоченной семье в самом теплом доме.

Пожелтевшие стены мягко ловят огненные блики от печи и крепко держат несколько мною полюбленных картин. Когда я впервые их здесь увидел, то был напуган. Каждая вызывала тревогу по-своему.

На одной картине было изображено окно, в окне – маяк, в маяке – окно, в окне маяка – еще один маяк. В этом еще одном маяке было еще одно окно. Как матрешка. Сейчас я и не вспомню, что именно меня так испугало, скорее всего – осознание бесконечности одиночества.

На следующей картине был изображен корабль. Его некогда белые паруса от долгих странствий превратились в серо-желтое тряпье, разорванное ветрами, дождями, ураганами, бурями, выжженное солнцем и молниями. Кораблю некуда было плыть, потому он просто поддался попутному ветру и плыл, куда волны несут. Казалось, на борту не было ни души, но я представлял, что все они спрятались в трюме переждать ночь.

Корабль давно не видел берегов, греть огромный корабль было нечем. Запасы дров иссякли, и часть кормы была вырублена и пущена на съедение костру. Скоро там же окажутся

паруса и шлюпки. Зима близко. Ближе, чем долгожданная земля. Как отчаянно, должно быть, оказаться капитаном этого судна. Желание проснуться от ужасного сна больше, чем ступить ногами на сушу.

На другой картине была изображена птица, летевшая над нескончаемой водной гладью. Мне было жаль птицу. Крылья под проливным дождем намокли, ветер срывал ее с маршрута. Долгожданной земли так и не было видно, но клюв настойчиво смотрел в лицо неизвестности и в глубину ураганного ветра. Глаза застывшие, в них я видел отражение художника. А может быть, это было мое отражение. А может, отражение дома.

Я уже видел однажды такие глаза. Глаза незрячих стариков, в которых отражается их прошлое, чье-то будущее, а настоящее скрыла вечная пелена. Птица ощущала бессилие, а я – тоску по дому, которого нет. Рисунок был сделан слегка небрежно, хотя под упрямыми толстыми контурами ощущалось усердие ребенка. Рамки на картине не было. Даже если бы и была, это не спасло бы птицу. Оставалось надеяться, что изображенный кадр когда-нибудь доберется до берега. Мне бы и стены было не жалко, только бы знать, что это спасет пернатую от усталости.

Я бы спросил птицу, какой смысл в ее одиноком упрямстве ... если бы сам не сбежал на маяк. Может быть, она летела от берега, а вовсе не искала его на горизонте? Кто же теперь узнает, кроме самой птицы и неизвестного художника?

«Никто» – ответит птица.

«Кому это нужно?» – удивленно подкинет брови вверх художник.

И оба будут правы.

Все было бы просто, как теория большого взрыва, если бы не один из четвергов. В один из четвергов птица долетела до моего маяка. Та самая, что была изображена на картине. Я ее сразу узнал.

Утром, когда я сотый раз проникся картинками, видом из окна, обычными хлопотами, гостеприимным одиночеством, в мое окно ударились что-то острое и резкое, как не к месту сказанное слово. На толстом запотевшем стекле осталась вмятина в форме точки. Из нее сквозил соленый воздух.

Погода была на удивление миролюбивая, потому я настороженно приоткрыл дверь и выскользнул за порог. Ничего не видно. Хм. Ничего не могло исчезнуть внезапно, знатно примазав невидимое стекло.

Я начал спускаться по лестнице. На ступенях – тоже ничего. Хм.

Я остановился, затаив дыхание. И вдруг услышал слабую борьбу поломанных крыльев. Перегнувшись через перила лестницы, я увидел крупную птицу с красным клювом. А может, красным был вовсе не клюв, а уже сама птица полностью.

Буревестник. Никогда прежде я не видел этой птицы, никогда не стремился ее увидеть. И вот, он прилетел ко мне сам.

Разбросанные крылья омывали волны. Сверху казалось, будто буревестник продолжает лететь, одержимый своим безумным посланием.

Я спустился, не чувствуя холода, к птице, и аккуратно поднял ее. Голова и крылья обмякли, клюв предательски раскрылся. Да она весила, словно кашалот, словно проглотила один из материков. Наверное, внутри нее была родина.

Когда я занес птицу в дом, она расправила крылья, что есть силы. Но все это великолепие было только в ее голове. На самом деле, уставшая скрипучая птица стекла с моих ладоней на стол. Я же, никогда ранее не спасавший птицу, обеспокоился и принялся собирать ее обратно.

Но птица подняла правое отсыревшее крыло и что есть силы ударила мою протянутую ладонь. Видимо, копила силы.

Я отпрянул, отошел подальше. Птица правым глазом подозрительно смотрела на меня. Я понимал: второй раз нанести удар у нее не хватит сил. Но еще понимал, что кроме тепла ей от меня пока что больше ничего нужно.

Позже я принес ей воды и несколько овсяных зерен. Птица есть не стала. Она вообще не поднимала головы. Каждый день я подходил к птице. Каждый день она едва поворачивала голову, чтобы взглянуть на меня. Вода и зерна оставались нетронутыми.

Спустя несколько дней я снова занялся своими повседневными делами. Тем временем птица начала приходить в себя: она собрала крылья коконом и прикрыла клюв. В следующий четверг она стояла на лапах, не двигаясь. Однако вода и зерна так и остались нетронутыми.

Куда бы я ни шел, постоянно ощущал на себе ее недоверчивый взгляд.

А однажды утром ни зерен, ни воды, не оказалось. Как и самой птицы. Я обыскался, но так и не мог ее найти. Не могла же она выскочить наружу. И привидеться она мне тоже не могла, ведь я отчетливо помню, как оставлял ей зерна. А если я оставлял ей зерна, то и птица должна была быть. Разве я когда-то делал что-то просто так?

Да, делал. Но суть не в этом.

Суть в том, что я должен найти птицу.

Ни у маяка, ни у дома ее не оказалось. Через несколько дней, проходя мимо картины, я удивился – птицы на картине не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.